

Константин Викторович Карпинский

*д-р психол. наук, проф., зав. каф. экспериментальной и прикладной психологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы*

Konstantin Karpinski

*Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Head of the Department of Experimental and Applied Psychology
of Yanka Kupala Grodno State University*

e-mail: kaprinkij_kv@grsu.by

**ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ РЕБЕНКА
В СИСТЕМЕ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования места и роли личностного смысла ребенка в целостной системе психической регуляции репродуктивного поведения взрослого. Теоретически обоснована и эмпирически доказана гипотеза, что личностный смысл ребенка, будучи ведущим фактором мотивационно-смысловой регуляции, в отношении остальных регуляторных структур и процессов репродуктивного поведения выступает в качестве системообразующего структурно-функционального компонента (переменной-модулятора). На материале репрезентативной белорусской выборки (N = 1844) выделены эмпирические типы личностного смысла ребенка для взрослого: отчужденный, утилитарный, ценностно-утилитарный и ценностный. Установлены типологические (межгрупповые) различия осознанной саморегуляции репродуктивного поведения у взрослых с разным типом личностно-смыслового отношения к ребенку. С позиций типологического подхода раскрыты ранее неизвестные механизмы и закономерности модулирующего влияния личностного смысла ребенка на различные звенья осознанной саморегуляции репродуктивного поведения, а также на объективный и субъективный репродуктивный успех.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, психическая регуляция, личностный смысл ребенка, осознанная саморегуляция, репродуктивный успех.

***The Personal Meaning of a Child
in the System of Psychological Self-Regulation of Reproductive Behavior***

The article presents the results of a theoretical and empirical study of the place and role of the personal meaning of a child within the system of self-regulation of an adult's reproductive behavior. The hypothesis that the personal meaning of a child, being a leading factor in motivational regulation, acts as a system-forming structural and functional component (a modulator variable) in relation to other regulatory structures and processes of reproductive behavior, is theoretically substantiated and empirically proven. Based on data from a representative Belarusian sample (N = 1844), empirical types of the personal meaning of a child for an adult were identified: alienated, utilitarian, value-utilitarian, and value-based. Typological (intergroup) differences in the psychological self-regulation of reproductive behavior among adults with different types of personal meaning of a child were established. From the standpoint of the typological approach, previously unknown mechanisms and patterns of the modulating influence of the personal meaning of a child on various components of the psychological self-regulation of reproductive behavior, as well as on objective and subjective reproductive success, are revealed.

Key words: reproductive behavior, psychological self-regulation, personal meaning of a child, conscious self-regulation, reproductive success.

Введение

На текущем этапе развития Республика Беларусь относится к группе стран с сокращающимся и стареющим населением, что превращает деторождение и воспроизводство поколений в вопрос национальной безопасности, выдвигает его в центр государственной политики и идеоло-

гии, а также формирует общественный заказ на научно обоснованные подходы к его решению.

Психология в отличие от социально-демографических и биомедицинских наук в рамках этой междисциплинарной проблематики занимается изучением феноменологии, механизмов и закономерностей

психической регуляции индивидуального и диадического репродуктивного (прокреационного) поведения, в первую очередь психологических факторов репродуктивного успеха [1–6].

Согласно современным подходам, психическая регуляция репродуктивного поведения человека представляет собой сложную систему психических структур и процессов, в которой четко дифференцируются две подсистемы – мотивационно-смысловая (побудительная) регуляция и осознанная (исполнительская) саморегуляция [7–9].

Несмотря на различия в терминологических обозначениях, эти функционально специализированные подсистемы подразделяются практически во всех современных концепциях и моделях регуляции репродуктивного поведения человека: TDIB (Traits-Desires-Intentions-Behaviour Model) [10], TPB (Theory of Planned Behaviour) [11], CSM (Cognitive-Social Model of Fertility Intentions) [12], уровневой модели регуляции [13] и др.

Основным объектом и конечным «продуктом» репродуктивного поведения выступает ребенок, ввиду чего ведущим фактором мотивационно-смысловой регуляции служит его личностный смысл для взрослого [7; 14; 15].

Личностный смысл ребенка – это форма психического отражения (субъективного понимания и переживания) взрослым объективных детерминационных (причинно-следственных и целесредственных) отношений, которые связывают рожденного или планируемого ребенка с практической реализацией личностно значимых интенций (побуждений и стремлений) взрослого – удовлетворением потребностей, воплощением ценностей, осуществлением мотивов, достижением целей, решением задач.

Индивидуально-психологические особенности осмысления ребенка предопределяют качественно-количественные различия (прежде всего силу и направленность) побудительной регуляции репродуктивного поведения взрослого, а именно его демотивацию, амотивацию либо мотивацию [7; 16].

Что касается осознанной саморегуляции, то эта подсистема регуляторики призвана сообразовывать личностный смысл ребенка и репродуктивную мотивацию с объективными условиями и обстоятельствами жизни взрослого, т. е. с его реальными способностями и возможностями родить и вырастить ребенка либо отказаться от деторождения и родительства.

Осознанная саморегуляция осуществляется «ансамблем» психических структур и процессов, которые отражают идеальное, желаемое и планируемое будущее взрослого в аспекте детности (деторождений и родительского статуса), а также пути, способы, средства, значимые условия и временные рамки для достижения этого будущего исходя из текущей детности (реального числа детей и родительского статуса в настоящем).

В этой подсистеме подразделяются следующие структурно-функциональные звенья:

1) регуляторный процесс осознания (понимания) смысла ребенка и его результат в форме субъективного представления об идеальном числе детей;

2) регуляторный процесс целеполагания и его результат в форме субъективного представления о желаемом числе детей;

3) регуляторные процессы планирования и программирования и их результат в форме субъективного представления о планируемом числе детей, а также о путях, способах и средствах его достижения;

4) регуляторный процесс прогнозирования и их результат в форме субъективного расписания («календаря», «тайминга») деторождений, определяющего оптимальные сроки появления на свет первого и последующих детей;

5) регуляторный процесс моделирования и его результат в форме субъективной модели значимых условий деторождения;

6) регуляторные процессы оценивания и контроля фактически достигнутой детности (реального числа детей) и их результаты в форме субъективной удовлетворенности репродукцией и репродуктивной самоэффективности (самоотношения человека как субъекта деторождения);

7) регуляторный процесс корректирования целей, планов, программ, прогно-

зов, моделей значимых условий репродуктивного поведения с учетом расхождения идеального, желаемого и планируемого с реально имеющимся числом детей [7].

Цель настоящего исследования заключается в определении закономерностей взаимосвязи личностного смысла ребенка с другими структурно-функциональными звеньями системы психической регуляции репродуктивного поведения взрослого человека.

Гипотеза исследования

Общая теоретическая гипотеза заключается в предположении о том, что личностный смысл ребенка для взрослого выступает системообразующим компонентом целостной системы психической регуляции репродуктивного поведения.

Как свидетельствуют результаты предшествующих исследований, выполняя функции побудительной (мотивационно-смысловой) инициации репродуктивного поведения, личностный смысл ребенка системно преднастраивает все процессы его осознанной (исполнительской) саморегуляции (целеполагание, планирование, программирование и т. д.) на достижение определенного мотивационного значимого результата в виде рождения планируемого числа детей [17].

Из всех теоретически возможных и эмпирически изучаемых в психологии типов взаимосвязи переменных (корреляция, предикция, медиация, модерация и т. д.) характер взаимодействия личностного смысла ребенка с остальными структурно-функциональными звеньями системы психической регуляции репродуктивного поведения адекватнее всего описывают отношения модуляции.

Это означает, что личностный смысл ребенка комплексно обуславливает (модулирует) общий уровень активности и функциональные параметры всей системы психической регуляции репродуктивного поведения, тем самым предопределяет его объективную продуктивность и субъективную успешность.

В настоящем исследовании данная гипотеза подвергается эмпирической верификации с позиций типологического анализа и, следовательно, конкретизируется в

допущении, что разным эмпирическим типам личностного смысла ребенка (как переменной-модулятора) соответствуют различные паттерны осознанной саморегуляции и успешности репродуктивного поведения взрослого.

Материалы и методы исследования

Сформулированная гипотеза проверялась в серии эмпирических исследований, проведенных на гетерохронной и гетерогенной популяционной выборке взрослых белорусов – 1844 человека. Выборку составили 1320 женщин и 524 мужчины в возрасте от 18 до 68 лет (средний возраст – 30 ± 6 лет) с разным семейным положением (410 – холостые, 1434 – семейные) и родительским статусом (207 – бездетные, 1637 – воспитывающие от 1 до 7 детей).

Сбор эмпирических данных был организован по корреляционному дизайну; обследование испытуемых осуществлялось в бланочном формате на условиях безвозмездного участия и информированного добровольного согласия.

Личностный смысл ребенка для испытуемого диагностировался стандартизированными методиками: позитивный терминальный смысл – «Шкалой ценностного отношения к детям» [18], позитивный и негативный прагматический смысл – «Смыслометрическим психобиографическим анализом» [19].

Методическая операционализация переменных, характеризующих осознанную саморегуляцию и успешность репродуктивного поведения испытуемых, производилась посредством анкетного метода.

Формулировки большинства вопросов носили стандартный характер и были почерпнуты из анкет, которые используются в мировой практике социолого-демографических мониторингов и опросов населения:

1. Объективный (экстринсивный) репродуктивный успех, или фактическое число детей:

«Сколько у Вас детей в настоящее время? (укажите число, а если детей нет – укажите 0)».

2. Субъективный (интринсивный) репродуктивный успех, или субъективная удовлетворенность родительским статусом:

«В какой степени Вы удовлетворены количеством детей, которое имеете в настоящее время (если у Вас в настоящее время нет детей, оцените, в какой степени Вы удовлетворены своим бездетным статусом)?» (от 0 до 100 баллов, где 0 баллов соответствует полной неудовлетворенности, а 100 – полной удовлетворенности существующим положением).

3. Репродуктивная мотивация:

«Желаете ли Вы в будущем иметь больше детей, чем имеете в настоящее время (ответьте на вопрос, даже если еще не имеете ребенка)?» (закрытый вопрос с дихотомией ответов «да – нет»).

4. Планируемое, или ожидаемое, число детей:

«Сколько всего детей Вы планируете родить в течение своей жизни (с учетом уже имеющих у Вас детей)?».

5. Желаемое число детей:

«Сколько всего детей Вы хотели бы иметь, если бы для этого были все необходимые условия (жилищные, бытовые, финансовые, связанные со здоровьем, свободным временем и т. д.)?».

6. Идеальное число детей:

«Сколько детей, по Вашему мнению, должно быть у человека в идеале (в идеальной семье)?».

7. Субъективный календарь, или «расписание деторождений»:

1) «Какой возраст, по Вашему мнению, является оптимальным (наилучшим) для рождения первого ребенка?»;

2) «Какой возраст, по Вашему мнению, является оптимальным (наилучшим) для рождения последнего ребенка?»;

3) «Если человек собирается иметь более одного ребенка, то, по Вашему мнению, какой оптимальный (наилучший) интервал между рождением первого и второго ребенка?».

8. Субъективная оценка (модель) отдельных жизненных условий и целостной жизненной ситуации по критерию благоприятности для деторождения:

«Планируя рождение детей, люди обычно задумываются о том, насколько подходящими и благоприятными для деторождения являются условия их жизни. Если бы Вы планировали (а, возможно, Вы реально планируете) в будущем родить ре-

бенка, то как бы Вы оценили условия собственной жизни с этой точки зрения?»

При оценке каждого из приведенных ниже условий используйте шкалу от 0 до 10 баллов, где 0 баллов означает самые неблагоприятные, неподходящие условия, а 10 – самые благоприятные, подходящие условия:

1) географическое место жительства (страна и конкретный населенный пункт, где Вы проживаете);

2) экологические условия (состояние окружающей природной среды);

3) экономическая и социальная политика государства (меры социально-экономической защиты и поддержки семей, родителей и детей);

4) качество медицинской помощи для родителей и детей, в т. ч. при беременности и родах;

5) жилищно-коммунальные условия (наличие достаточной жилплощади и необходимых бытовых удобств);

6) финансовые условия и материальная обеспеченность (уровень денежного дохода и наличие необходимого имущества);

7) семейные условия (характер взаимоотношений с партнером и имеющимися детьми, другими членами семьи и родственниками);

8) профессионально-образовательные условия (степень занятости учебой и/или работой);

9) досугово-рекреационные условия (Ваши увлечения, привычные способы отдыха и проведения свободного времени);

10) состояние собственного здоровья и здоровья партнера».

Факторный анализ (метод Maximum Likelihood с косоугольным вращением Oblimin) выборочного массива оценок показывает, что репродуктивно значимые условия могут быть разделены на четыре категории: природно-географические (пп. 1, 2), социально-экономические (пп. 3, 4), материально-жилищно-бытовые (пп. 5, 6) и нематериальные (пп. 7–10) (показатели структурной валидности измерительной модели: $\chi^2(11) = 24,5$, $p = 0,011$; CMIN (χ^2/df) = 2,23, RMSEA = 0,045, 95 % CI [0,02; 0,07], CFI = 0,98, TLI = 0,97).

Содержательно две первые категории относятся к макросредовым условиям,

тогда как две последние – к микросредовым условиям репродукции.

Кроме того, на основании парциальных оценок всех десяти условий выводится общий показатель (в виде линейной суммы оценок), характеризующий субъективное восприятие испытуемым своей жизненной ситуации в целом как неблагоприятной или благоприятной для рождения детей (ω -Мак-Дональда = 0,87).

9. Индивидуальный уровень субъективного контроля (экстернальности – интернальности) в репродуктивной сфере:

«Ниже предложены пары противоположных утверждений. Выберите одно из двух утверждений, которое, по Вашему мнению, больше соответствует действительности, и отметьте одну из цифр (1, 2 или 3) в зависимости от того, насколько Вы уверены в выборе (или 0, если оба утверждения, на Ваш взгляд, одинаково верны)».

Жизненные обстоятельства влияют на возможность человека стать родителем не меньше, чем его собственное решение

3 2 1 0 1 2 3.

Если человек по-настоящему хочет стать родителем, то он обязательно этого добьется, даже вопреки обстоятельствам.

Начисление условных баллов производилось слева направо от 1 до 7, при этом количество баллов от 1 до 3 свидетельствует об экстернальном локусе контроля, а от 5 до 7 – об интернальном локусе контроля репродуктивного поведения.

10. Индивидуальный уровень самоэффективности в репродуктивной сфере:

«Оцените, насколько по отношению к Вам справедливы следующие утверждения:

1) В настоящее время я имею ровно столько детей, сколько и хотел(а);

2) Я верю, что в будущем смогу родить еще столько детей, сколько запланирую (или отказаться от рождения, если приму такое решение)».

Первый вопрос адресован ретроспективной самоэффективности, второй – проспективной самоэффективности испытуемого в области деторождения. Каждый из них предполагал ответ по четырехразрядной шкале ликертовского типа от «абсолют-

но неверно» до «совершенно верно», который конвертировался в баллы (от 1 до 4).

Результаты и их обсуждение

Эмпирическая типология личностного смысла ребенка.

Эмпирическая типология личностного смысла ребенка строилась на пересечении двух критериев – терминального смысла (диагностический показатель «Шкалы ценностного отношения к детям») и прагматического смысла ребенка (интегральный показатель «Смыслометрического психобиографического анализа»).

С помощью анализа латентных профилей (Latent Profile Analysis, LPA) удалось выделить четыре эмпирических типа личностно-смыслового отношения взрослых к ребенку.

Первый тип может быть охарактеризован как «отчужденный», «безразличный», или «индифферентный», т. к. он образован комбинацией низкого терминального и низкого прагматического смысла ребенка. Иными словами, ребенок в жизни взрослого лишен как смысла самостоятельной ценности, так и смысла прагматического условия для реализации других ценностей. Смысловое отчуждение ребенка регистрируется у 22,2 % испытуемых.

Второй тип может быть определен как «утилитарный», поскольку является конstellацией пониженного терминального с повышенным прагматическим смыслом ребенка. Здесь ребенок как таковой не представляет особой ценности для взрослого, а осмысливается преимущественно в утилитарном ключе – с точки зрения причиняемого вреда либо приносимой пользы в контексте реализации других жизненных ценностей. Этот тип отношения к ребенку фиксируется у 18,5 % испытуемых.

Третий тип может быть идентифицирован как «ценностно-утилитарный», поскольку сочетает повышенный уровень терминального смысла с высоким уровнем прагматического смысла. Иначе говоря, ребенок осмысливается и как самостоятельная ценность в жизни, и как важный фактор практической реализации других жизненных ценностей, благодаря чему достигается максимальный из возможных

уровней его общей осмысленности. Данный тип смыслового отношения наблюдается в 27 % опрошенных.

Четвертый тип может быть назван «ценностным», поскольку совмещает в себе повышенный уровень терминального смысла и пониженный уровень прагматического смысла. В жизнедеятельности представителей данного типа ценностное от-

ношение существенно перевешивает прагматическое отношение к ребенку. Такой тип смыслового отношения присущ 32,3 % испытуемых.

Описательные статистики и выборочные частоты эмпирических типов личностного смысла ребенка представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Эмпирические типы личностного смысла ребенка в популяционной выборке взрослых белорусов (N = 1844)

Эмпирические типы личностного смысла ребенка	N / f	Терминальный смысл		Прагматический смысл	
		M	SD	M	SD
Отчужденный	410 / 22,2	15,86	8,50	0,06	0,57
Утилитарный	341 / 18,5	21,76	9,48	1,46	0,61
Ценностно-утилитарный	497 / 27,0	35,51	9,16	2,10	0,51
Ценностный	596 / 32,3	30,23	9,11	0,76	0,49
Значимость различий между типами по F-критерию Фишера		F (3,1840) = 415,95 p < 0,001		F (3,1840) = 1217,9 p < 0,001	

Примечание – N / f – количество / процентная доля испытуемых, отнесенных к типу; M – среднее арифметическое значение показателя; SD – стандартное отклонение показателя.

Различные типы личностного смысла ребенка неравномерно распределены между взрослыми людьми разного пола, возраста и гражданско-правового положения. Среди женщин чаще всего встречаются ценностный (34,2 %) и ценностно-утилитарный (27,6 %) типы отношения к ребенку, реже – отчужденный (21,2 %) и утилитарный (17 %). У мужчин же два последних типа наблюдаются статистически чаще: в 24,6 и 22,3 % случаев соответственно.

В общем, если психологическим «эквивалентом» гуманности считать позитивный терминальный смысл, или ценностное отношение к ребенку, то можно утверждать, что гуманное отношение к детям чаще проявляют женщины, чем мужчины ($\chi^2(3) = 13,3$; $p = 0,004$).

Схожим образом типы личностного смысла ребенка распределены между семейными и холостыми людьми: по частоте встречаемости у семейных взрослых доминируют ценностное (34,2 %) и ценностно-утилитарное (28,8 %) отношение, тогда как у бессемейных взрослых самым частотным является отчужденный тип (31,5 %) личностного смысла ребенка ($\chi^2(3) = 39,7$; $p < 0,001$).

Возраст – важный фактор субъективного отношения к ребенку (F = 35,5;

$p < 0,001$), в силу чего типы личностного смысла, включающие выраженное ценностное отношение, присущи более зрелым людям: ценностный (M = 36,4; SD = 8,6 года) и ценностно-утилитарный тип (M = 37,6; SD = 8,7 года).

Отчужденный (M = 32,1; SD = 8,5 года) и чисто утилитарный (M = 33,9, SD = 9,3 года) типы отношения к ребенку – удел более молодых людей.

Типологические различия осознанной саморегуляции и успешности репродуктивного поведения.

Межгрупповые различия в осознанной саморегуляции и успешности репродуктивного поведения, сцепленные с типом личностного смысла ребенка, определялись с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Приступая к содержательной расшифровке его результатов, важно отметить, что каждый эмпирический тип личностного смысла ребенка являет собой целостный паттерн мотивации (мотивационно-смысловой регуляции) репродуктивного поведения, который характеризуется качественными и количественными параметрами.

Качественные особенности заданы видами личностного смысла (терминального и прагматического) и их уникальной

пропорцией внутри каждого типа; количественные особенности определяются общим уровнем осмысленности и мотивационной значимости ребенка для взрослого.

По признаку «общего количества» мотивации типы личностного смысла ребенка упорядочиваются в своеобразный континуум: минимумом осмысленности и мотивационной значимости ребенка характеризуется отчужденный тип (низкая терминальная и прагматическая значимость); промежуточные положения занимают утилитарный (низкая терминальная, но высокая прагматическая значимость) и цен-

ностный (высокая терминальная, но низкая прагматическая значимость) типы; максимум осмысленности и мотивационной значимости ребенка присущ ценностно-утилитарному типу (высокая терминальная и прагматическая значимость).

Сообразно с этим перечисленные типы личностного смысла ребенка можно рассматривать в качестве последовательных градаций (низкой, средних и высокой) силы мотивации репродуктивного поведения. В этом ракурсе и следует интерпретировать результаты дисперсионного анализа (таблица 2).

Таблица 2 – Типологические различия осознанной саморегуляции и успешности репродуктивного поведения

Показатели осознанной регуляции и репродуктивной успешности	Типы личностного смысла ребенка				F
	О	У	ЦУ	Ц	
Желаемое число детей	1,94 ± 0,85	2,15 ± 1,15	2,59 ± 0,96	2,48 ± 0,92	43,2***
Идеальное число детей	2,18 ± 0,83	2,30 ± 0,98	2,65 ± 0,93	2,53 ± 0,90	25,3***
Планируемое число детей	1,54 ± 0,87	1,54 ± 1,01	2,02 ± 1,06	1,90 ± 0,95	27,2***
Оптимальный срок рождения 1-го ребенка	24,9 ± 3,2	24,3 ± 3,1	23,5 ± 3,0	23,8 ± 3,0	14,2***
Оптимальный срок рождения последнего	34,9 ± 5,6	35,5 ± 17,3	34,9 ± 6,0	35,2 ± 6,0	0,31
Оптимальный интервал между 1-м и 2-м ребенком	4,7 ± 7,9	4,2 ± 2,7	4,0 ± 2,0	4,1 ± 1,8	2,44
Оценка природно-географических условий	13,6 ± 4,02	14,6 ± 3,51	15,6 ± 3,59	15,0 ± 3,52	20,0***
Оценка социально-экономических условий	13,7 ± 4,28	13,4 ± 3,94	14,9 ± 4,03	14,2 ± 5,49	7,88***
Оценка материальных условий	15,0 ± 4,12	14,9 ± 3,51	15,5 ± 5,79	14,9 ± 3,68	1,59
Оценка нематериальных условий	29,1 ± 6,88	30,6 ± 5,47	31,8 ± 5,91	30,4 ± 5,68	12,8***
Общая оценка жизненной ситуации	71,4 ± 14,87	73,2 ± 13,8	77,8 ± 14,7	74,6 ± 14,1	13,7***
Интернальность в сфере репродукции	3,45 ± 2,12	3,87 ± 2,17	4,79 ± 2,12	4,26 ± 2,14	27,1***
Ретроспективная самооэффективность	3,1 ± 0,97	2,94 ± 0,97	3,15 ± 0,96	3,14 ± 0,95	3,26*
Проспективная самооэффективность	2,74 ± 1,08	2,76 ± 1,02	2,79 ± 1,07	2,86 ± 1,05	0,87
Удовлетворенность реальным числом детей	86,6 ± 22,3	87 ± 19,4	89,1 ± 20,8	87,7 ± 21,6	1,20
Фактическое число детей	1,19 ± 1,01	1,35 ± 0,92	1,95 ± 0,94	1,81 ± 0,93	65,4***

Примечание – О – Отчужденный, У – Утилитарный, ЦУ – Ценностно-утилитарный, Ц – Ценностный; F – эмпирическое значение критерия Фишера при N = 1 844; M ± SD – среднее арифметическое и стандартное отклонение; * – p ≤ 0,05, ** – p ≤ 0,01, *** – p ≤ 0,001.

Действуя в функции мотиватора репродуктивного поведения, личностный смысл ребенка детерминирует прежде всего регуляторные процессы смыслоосознания, целеобразования, планирования и программирования, а также их «продукты» в виде субъективных образов идеального, желаемого и реально планируемого числа детей.

С ростом общего уровня осмысленности и мотивационной значимости ребенка (по мере перехода от отчужденного через утилитарный и ценностный к ценностно-утилитарному типу личностного смысла) все субъективные нормы детности соразмерно увеличиваются.

Это, по существу, означает, что мотивация модулирует активность процессов осознанной саморегуляции через повышение уровня репродуктивных притязаний (степени сложности целей, планов и программ) и субъективных критериев репродуктивного успеха – неуспеха.

В конечном итоге это производит мотивирующий эффект и на реальное поведение, продуктивность которого также возрастает, что фиксируется типологическими различиями фактического числа детей.

В звене прогнозирования репродуктивного поведения значимые различия обнаружены в представлениях об оптимальных сроках рождения первого ребенка.

С усилением мотивации, создаваемой личностным смыслом ребенка, средние сроки прогрессивно снижаются с 25 лет (у отчужденного типа) до 24 (у утилитарного и ценностного типов) и 23 лет (у ценностно-утилитарного типа).

По-видимому, действует механизм мотивационной регуляции, известный как «закон градиента цели»: по мере приближения (во времени и пространстве) к желаемому результату мотивация поведения усиливается.

Упомянутый закон, однако, работает и в обратном направлении, вследствие чего рост силы мотивации влечет за собой приближение искомого результата (мотивационно значимого события) в психологическом времени.

В целом эффекты избирательно-пристрастного отражения и искажения (апперцепции) временных, пространственных, вероятностных и других параметров действительности под влиянием мотивации обобщенно рассматриваются как «смысловые трансформации психического образа» (Д. А. Леонтьев).

Этот эффект порождает типологические различия в прогнозных представлениях об оптимальных сроках деторождения.

Типологические различия личностного смысла ребенка существенно обуславливают регуляторный процесс моделирования значимых условий.

Общая закономерность сводится к тому, что рост репродуктивной мотивации сопряжен с оценкой текущих жизненных обстоятельств как более благоприятных для рождения детей.

Это хорошо объясняется с позиций классических и современных теорий мотивации как ожидаемой субъективной полезности (ценности) (Expectancy-Value Theories of Motivation), согласно которым сила побуждения производна от субъективной значимости цели и субъективно прогнозируемой вероятности ее достижения.

Оценка жизненных условий как благоприятных для рождения детей повышает субъективную вероятность репродуктивного успеха (достижимости, реализуемости целевого показателя – планируемого числа), за счет чего поддерживается высокий уровень мотивации поведения.

Взрослые с разными типами личностного смысла ребенка характеризуются значительными различиями регуляторных процессов субъективного контроля и оценивания результатов репродуктивного поведения.

При изучении многих видов человеческой деятельности выявлена универсальная закономерность, согласно которой высокому уровню мотивации сопутствует высокий уровень (интернальный локус) субъективного контроля процесса и результатов.

Эта общая закономерность обнаруживается и в области деторождения: при движении от низкомотивированного (отчужденного) типа к среднемотивированным (утилитарному и ценностному) и далее к высокомотивированному (ценностно-утилитарному) уровень субъективного контроля взрослого в репродуктивной сфере прогрессивно возрастает.

Статистически достоверных и/или практически значимых типологических различий в репродуктивной самооэффективности и субъективной удовлетворенности числом рожденных детей не выявлено.

Это связано с тем, что данные феномены являются производными регуляторного процесса оценивания результатов поведения и субъективными индикаторами реально достигнутого репродуктивного успеха (удовлетворенность реальным числом детей – прямым индикатором, а репродуктивная самооэффективность – косвенным индикатором).

Их зависимость от личностного смысла ребенка и мотивации репродуктивного поведения, как было показано в предшествующих исследованиях, не носит линейного характера, поскольку детерминируется как прямыми, так и обратными связями в системе осознанной регуляции [7; 17].

Заключение

Таким образом, личностный смысл ребенка является важной детерминантой осознанной регуляции и успешности репродуктивного поведения взрослого.

Он оказывает регулирующее воздействие на репродуктивное поведение взрослого как непосредственно (через функции мотивационно-смысловой регуляции: побуждающую, направляющую и смыслооб-

разующую), так и опосредованно (через модулирующую функцию в отношении всех структурных блоков и функциональных звеньев осознанной саморегуляции).

В системных отношениях с другими психическими регуляторами личностный смысл ребенка выступает как модулятор, под влиянием которого весь регуляторный контур выстраивается и настраивается таким образом, чтобы человек добился искомого репродуктивного результата.

Отчужденное отношение к ребенку порождает амотивацию или демотивацию

репродуктивного поведения, и весь контур его психического регулирования «конфигурируется» под задачу предотвращения рождения либо минимизации числа рожденных детей.

Ценностно-утилитарное отношение к ребенку, напротив, создает сильную положительную мотивацию репродуктивного поведения, и весь регуляторный контур настраивается на достижение целевого родительского статуса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. David, H. P. Psychology, population, and reproductive behavior / H. P. David, N. F. Russo // *American Psychologist*. – 2003. – Vol. 58 (3). – P. 193–196.
2. Van den Akker, O. B. Reproductive health psychology / O. B. Van den Akker. – London : John Wiley & Sons, 2012. – 384 p.
3. Бойко, В. В. Репродуктивное поведение семьи и личности (социально-психологическое изучение рождаемости) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Бойко Виктор Васильевич ; ЛГУ. – Л., 1981. – 34 с.
4. Филиппова, Г. Г. Репродуктивная психология: современный этап развития перинатальной психологии в России / Г. Г. Филиппова // Сб. материалов конф. «Психологические проблемы современной семьи» : в 2 ч., Екатеринбург, 2015 г. – Екатеринбург, 2015. – Ч. 1. – С. 509–514.
5. Филиппова, Г. Г. Репродуктивная психология в России: современные проблемы и тенденции развития / Г. Г. Филиппова // *Психотерапия*. – 2015. – № 4 (148). – С. 65–70.
6. Шелехов, И. Л. Репродуктивное здоровье женщины: психологические и социальные аспекты / И. Л. Шелехов, О. Г. Берестнева. – Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. – 366 с.
7. Карпинский, К. В. Личностный смысл ребенка: что дети значат для взрослых / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2023. – 515 с.
8. The evolved psychological mechanisms of fertility motivation: hunting for causation in a sea of correlation / L. S. McAllister, G. V. Pepper, S. Virgo, D. A. Coall // *Philosophical Transactions B*. – 2016. – P. 371–387.
9. Berrington, A. Fertility desires, intentions, and behaviour / A. Berrington // *Research Handbook on the Sociology of the Family* / N. F. Schneider, M. Kreyenfeld (eds.). – Elgar, 2021. – P. 248–262.
10. Miller, W. B. Childbearing motivations, desires and intentions: A theoretical framework / W. B. Miller // *Genetic, Social and General Psychology Monographs*. – 1994. – Vol. 120 (2). – P. 223–258.
11. Reproductive decision making in a macro-micro perspective: A conceptual framework / A. C. Liefbroer, J. E. Klobas, D. Philipov, I. Ajzen // *Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective* / D. Philipov, A. C. Liefbroer, K. E. Klobas (eds.). – Springer, 2015. – P. 1–15.
12. Bachrach, C. A. A cognitive-social model of fertility intentions / C. A. Bachrach, S. P. Morgan // *Population and Development Review*. – 2013. – Vol. 39 (3). – P. 459–485.
13. Построение уровневой модели регуляции репродуктивного поведения молодежи / И. С. Морозова, К. Н. Бологай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2014. – № 2. – С. 167–172.
14. Карпинский, К. В. Мотивационно-смысловая регуляция репродуктивного поведения человека: культурно-исторические трансформации и метаморфозы / К. В. Карпинский // *Social Studies: Theory and Practice*. – 2019. – Vol. 7 (2). – P. 59–81.

15. Карпинский, К. В. Личностный смысл ребенка и многодетности в регуляции репродуктивного поведения / К. В. Карпинский // Вестник ГрДУ імя Янкі Купалы. Серия 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 133–142.

16. Карпинский, К. В. Личностный смысл ребенка и переживание смыслового кризиса в ситуации бесплодия / К. В. Карпинский // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 2. – С. 40–55.

17. Карпинский, К. В. Личностный смысл ребенка для взрослого как фактор объективного и субъективного репродуктивного успеха / К. В. Карпинский // Психология семьи: современные проблемы и решения / отв. ред. С. В. Фролова. – Саратов : Наука, 2024. – С. 208–217.

18. Карпинский, К. В. Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация / К. В. Карпинский // Психология человека в образовании. – 2024. – Т. 6, № 4. – С. 543–567.

19. Карпинский, К. В. Смысловый психобиографический анализ / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2024. – 211 с.

REFERENCES

1. David, H. P. Psychology, population, and reproductive behavior / H. P. David, N. F. Russo // *American Psychologist*. – 2003. – Vol. 58 (3). – P. 193–196.

2. Van den Akker, O. B. Reproductive health psychology / O. B. Van den Akker. – London : John Wiley & Sons, 2012. – 384 p.

3. Bojko, V. V. Reproductivnoe povedenie sem'i i lichnosti (social'no-psikhologicheskoe izuchenie rozhdavosti) : avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk : 19.00.05 / Boiko Viktor Vasil'evich ; LGU. – L., 1981. – 34 s.

4. Filippova, G. G. Reproductivnaya psikhologiya: sovremenniy etap razvitiya perinatal'noi psikhologii v Rossii / G. G. Filippova // *Sb. materialov konf. «Psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i» : v 2 ch., Ekaterinburg, 2015 g. – Ekaterinburg, 2015. – Ch. 1. – S. 509–514.*

5. Filippova, G. G. Reproductivnaya psikhologiya v Rossii: sovremennye problemy i tendencii razvitiya / G. G. Filippova // *Psikhoterapiya*. – 2015. – № 4 (148). – S. 65–70.

6. Shelekhov, I. L. Reproductivnoe zdorov'e zhenshchiny: psikhologicheskie i social'nye aspekty / I. L. Shelekhov, O. G. Berestneva. – Tomsk : Izd-vo Tom. politekhn. un-ta, 2013. – 366 s.

7. Karpinskij, K. V. Lichnostnyj smysl rebenka: chto deti znachat dlya vzroslykh / K. V. Karpinskij. – Grodno : GrGU, 2023. – 515 s.

8. The evolved psychological mechanisms of fertility motivation: hunting for causation in a sea of correlation / L. S. McAllister, G. V. Pepper, S. Virgo, D. A. Coall // *Philosophical Transactions B*. – 2016. – P. 371–387.

9. Berrington, A. Fertility desires, intentions, and behaviour / A. Berrington // *Research Handbook on the Sociology of the Family* / N. F. Schneider, M. Kreyenfeld (eds.). – Elgar, 2021. – P. 248–262.

10. Miller, W. B. Childbearing motivations, desires and intentions: A theoretical framework / W. B. Miller // *Genetic, Social and General Psychology Monographs*. – 1994. – Vol. 120 (2). – P. 223–258.

11. Reproductive decision making in a macro-micro perspective: A conceptual framework / A. C. Liefbroer, J. E. Klobas, D. Philipov, I. Ajzen // *Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective* / D. Philipov, A. C. Liefbroer, K. E. Klobas (eds.). – Springer, 2015. – P. 1–15.

12. Bachrach, C. A. A cognitive-social model of fertility intentions / C. A. Bachrach, S. P. Morgan // *Population and Development Review*. – 2013. – Vol. 39 (3). – P. 459–485.

13. Postroyeniye urovnevoj modeli regulyatsii reproductivnogo povedeniya molodezhi / I. S. Morozova, K. N. Bologaj, Yu. V. Borisenko, T. O. Ott // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – № 2. – S. 167–172.

14. Karpinskii, K. V. Motivatsionno-smyslovaya regulyatsiya reproductivnogo povedeniya cheloveka: kul'turno-istoricheskie transformatsii i metamorfozy / K. V. Karpinskii // *Social Studies: Theory and Practice*. – 2019. – Vol. 7 (2). – P. 59–81.

15. Karpinskii, K. V. Lichnostnyi smysl rebenka i mnogodetnosti v regulyatsii reproduktivnogo povedeniya / K. V. Karpinskii // Vesnik GrDU imya Yanki Kupaly. Seryya 3, Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya. – 2020. – T. 10, № 1. – S. 133–142.

16. Karpinskii, K. V. Lichnostnyi smysl rebenka i perezhivanie smyslozhiznennogo krizisa v situatsii besplodiya / K. V. Karpinskii // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki. – 2024. – № 2. – S. 40–55.

17. Karpinskii, K. V. Lichnostnyi smysl rebenka dlya vzroslogo kak faktor ob'ektivnogo i sub'ektivnogo reproduktivnogo uspekha / K. V. Karpinskii // Psikhologiya sem'i: sovremennye problemy i resheniya / otv. red. S. V. Frolova. – Saratov : Nauka, 2024. – S. 208–217.

18. Karpinskii, K. V. Shkala tsennostnogo otnosheniya k detyam: razrabotka, validizatsiya, standartizatsiya / K. V. Karpinskii // Psikhologiya cheloveka v obrazovanii. – 2024. – T. 6, № 4. – S. 543–567.

19. Karpinskii, K. V. Smyslometricheskii psikhobiograficheskii analiz / K. V. Karpinskii. – Grodno : GrGU, 2024. – 211 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.12.2025